

М. МАТУСОВСКИЙ

Сердце, верное народу

К 70-летию со дня смерти Н. А. Некрасова

Еще в детстве виделся нам темный сарай, полный душистого сена, особенно остро пахнувшего после дождя, пыльный луч солнца, пробивающийся сквозь щели, старая двустовка, лежащая у стены, и группа белоголовых ребятшек, слушающая затейливые небыллицы незнакомого охотника. Он рассказывает им о медведе Топтыгине, о веселом продавце игрушек Якове, о деде Мазае, подружившемся весной с зайцами. Потом мы подрастали, выросли, учились в школе, — все шире и многообразнее раскрывался мир великого поэта-революционера, все глубже и серьезнее знакомилась мы с его думами и образами, и вот уже в полный рост представляла перед нами его строгая муза — подруга поэта, с липом, носящим на себе страшный след кнута, — дитя борьбы и гнева, добра и горя, любви и ярости, — верная сестра народа.

«Я лиру посвятил народу своему» — с полным правом сказал о себе Некрасов, вглядываясь в пройденный житейский путь. В самые трудные и горестные минуты эта любовь к родимой земле и подвижническое служение народу поддерживали и утешали певца, давали ему силы и умеренность в правоте своего дела, диктовали ему стихи от первой до последней строки. Они помогали ему провидеть сквозь сумрак паризма начало иных времен и картин, различать живые, неискаемые творческие силы народа, еще скованные, подобно золотым россыпям, таящимся под ледяными покровами Сибири. Эта вера путника, знающего, что за последним крутым перевалом должна открыться дорога, это ощущение завтрашнего рассвета особенно дорого нам в Некрасове. Образ широкого, бескрайнего пути, на который должен выйти народ, неизменно возникает в стихах поэта.

Еще народу русскому
Пределы не поставлены,
Пред ним широкий путь, —

взволнованно говорит Некрасов в своей поэме «Бому на Руси жить хорошо» — этой

подлинной одиссее русского крестьянина. Никакие испытания, ни голод, ни труд не могут согнуть Савелия-богатыря.

Маленькому безвестному деревенскому школьнику суждена большая, а быть может, и великая жизнь. Пахарь, засевающий сегодня поле, еще увидит впереди погожий и ведренный день. Поэзия Некрасова устремлена вперед, это поэзия больших мечтаний и надежд, провидений и широких дорог. Слово в пророческом и вещем сне, поэт различает будущее своей родной реки Волги, преображенной трудом свободного народа: расширились берега, углубилось русло, ожили вокруг стени, поплыли гигантские пароходы и зашумели пристани.

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Это ведь сказано о нас с вами, о нашем сегодняшнем дне — сбывшейся на яву мужественной и светлой мечте поэта.

Нет, это не только муза мести и печали, это муза труда и славы народа, муза веры в свою Родину и ее грядущее. Недаром в одной из своих журнальных статей, полный надежд на будущее, Некрасов пишет: «Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и таким образом время делает свое дело. Водрей же в путь!» Уже прощаясь с жизнью, слагая свою последнюю колыбельную песню, Некрасов еще раз повторяет:

Уступит свегу мрак упрямым,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой...

«Воплощение счастья народного» — вот что было смыслом и целью труда и жизни поэта, вот что водило его пером и составляло источник его вдохновения, это — суть его простых и правдивых поэм и песен, а простота и правда, по убеждению самого Некрасова, — неразлучные спутники поэзии. Наконец, это тема не только его книг, — это тема его писем и дневниковых записей.

Путешествуя по Европе или напутствуя друзей, уезжающих за границу, Некрасов

никогда не забывает о своей Родине, говорит о ней с нежностью и гордостью, чувствуя во всем превосходство ее трудового народа, ее широты, сердечности и ласки, ее природы, ее будущих путей и дорог.

Не небесам чужой отчины —
Я песни родине слагал! —

заявляет поэт-патриот. Но не только за ширь полей и синеву небес любит Некрасов свою родную землю. Говоря о судьбе целого поколения революционеров-демократов шестидесятых годов, Некрасов с благодарностью пишет о них:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали...

Только в России могла возникнуть плеяда таких людей, бесстрашных и самоотверженных рыцарей своего народа. Поэт знает, что именно эти люди — самые лучшие и верные сыны своей Родины. Не граф де Гранский, обезумевший свои имения с французской кухней и русским титулом, презрительно поглядывающий сквозь стеклышко на народ, а безвестный сибирский политический ссыльный, прозванный Кротом, — настоящий патриот своего отечества. Ибо, изнуренный непосильным трудом, обессиленный и подумирающий, он

...душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!..»

«Дома — лучше!» — так озаглавливает поэт одно из своих стихотворений, посвященных Европе. Так мог бы Маяковский назвать свои стихи о заграничье. На чужбине поэт тоскует и бездействует, и только дальний ветер Родины, долетающий сюда через все границы и моря, возвращает ему снова утраченные силы.

За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!
Я сам не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумео,
Быть может, выдержать борьбу!

Ни чужое море, ни чужая даль не помогут человеку в решении его забот и горестей, в решении судьбы его отчины. Эту

мысль Некрасов высказывает и в своих стихах, и в своих журнальных заметках. Вот он осуждает повесть некоего Зотова за то, что она написана по иностранным образцам. Некрасов называет Зотову целую группу первоклассных русских писателей, у которых должен учиться молодой литератор, и критикует его повесть «Докторша» за то, что в ней нет ни поэзии, ни серьезной мысли, ни жизненной правды. «Подобные произведения, — пишет Некрасов, — анахронизм в настоящее время и живое доказательство, как жалки романы во вкусе Поля Феваля, Дюма и т. д., как грешно современному литератору сочинять подобные побасенки... гораздо лучше подражать г.г. Гончарову, Тургеневу, Григоровичу, графу Толстому, хотя вообще подражание вещь нехорошая, но, по крайней мере, могут удасться хоть две-три теплые и свежие странички». Так справедливо резко расправляется Некрасов с писателем, заглядевшимся в чужое море и чужую даль!

Жизнь народа и творчество художника, Родина и поэзия неразрывно связаны для Некрасова в одно целое. Он возвращается из заморских стран, приезжает к себе в родные места и с волнением вдыхает запах родных дорог — сена и дегтя, горький дымом дальних очагов. Снова знакомая мельница машет ему крылом, снова он бредет по осеннему лесу, и рыжая сухая листва шуршит под его высокими охотничьими сапогами.

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и
Сильных,

В Германии я был, как рыба, нем,
В Италии — писал о русских ссыльных...

Наряду с темой Родины, тема труда звучит в поэзии Некрасова с не меньшей выразительностью и силой. Он ощущает всю горесть крепостного подневольного труда под палящим солнцем непосильный труд рабочих, проклядающих через болота железную дорогу, усталость дровосека в зимнем лесу, одиночество пахаря на черной осенней ниве.

В стихотворении «На Волге» поэт рассказывает о работе бурлаков:

Но вдруг я стоны услышал
И взор мой на берег упал.

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бичевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

Здесь все передано удивительно точно и осязательно. Так ясно вы видите фигуры согнутых и устремленных вперед людей, медленное движение их ног, обутых в лапти и вязнущих в речном песке, узлы жестких веревок, врезающихся в плечи. Эти строки своей страшной правдой и изобразительностью могут поспорить со знаменитой репинской картиной.

Но в стихах Некрасова — не только тяжесть, ложащаяся на плечи бурлака и пахаря, сеятеля и лесоруба, в них — и радость человеческого труда, недоступная людям, не державшим в руках лопаты или ручек плуга.

Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

Сыльные, работая в дальних и холодных краях, вдали от родных мест, поют своеобразный гимн, в котором прославляется борьба и труд на благо будущего Родины, ради ее богатства и процветания.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!..

Пускай томимся голодом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

Здесь мы, внуки, снова слышим голос поэта, обращенный к нам через многие годы.

Да, Некрасов великий певец нашей природы, певец осеннего золота наших лесов, зимних вьюжных степей, свежего туманного утра, коистра, разожженного путником у дороги, реки, поросшей камышом, деревни, поднявшейся на пригорок, внезапного летнего дождя, несущего земле прохладу. Но нигде, буквально ни в одном стихотворении, вы не найдете у Некрасова мертвой природы, так или иначе не связанной с человеком, с его мыслями и настроением. Любоваппе красивым пейзажем чуждо поэзии Некрасова. Его природа, как в левитановских пейзажах, живая и одухотворенная. Вот уж, кажется, перед нами малень-

кое хрестоматийное стихотворение, скромно названное «Перед дождем», но и здесь, в самом конце его появляется какой-то ямщик, и сразу весь пейзаж как бы оживает ради этого, случайно промелькнувшего человека.

Вот о чем должны помнить всегда некоторые молодые поэты, пишущие пейзажные стихи, не согретые присутствием живого человеческого дыхания.

Особенно дорога нам в поэзии Некрасова живая, разговорная интонация, иногда настолько непринужденная, что кажется, будто здесь сама жизнь разговаривает с вами. Некрасов зло высмеивал Бенедиктова за его «стремление к оригинальности... вычурности и узарской громозвучности». Все это было чуждо и враждебно правдивой и простой музе поэта. Некрасов почти всегда старается не говорить за своих героев, он дает им возможность высказать все, что у них есть на душе. В его стихах люди чаще всего говорят от первого лица, и речь их абсолютно живая, почти чудом зарифмованная, человеческая речь. Разве не встает перед читателем в одно мгновение образ старой деревенской женщины, потерявшей сына, беспрерывно повторяющей свое приятие: «Умер, Касьяновна, умер, сердешная, умер и в землю зарыл!» А сколько таких мгновенно озаренных портретов, образов и лиц живет в стихах и поэмах Некрасова! Сколько пужно было знать человеческих судеб, профессий и биографий, чтобы обо всех них так рассказать. Ведь во многих рассказах и романах зачастую вы не найдете такого разнообразия живых и навсегда запоминающихся характеристик. Скромно оценивая свой труд, Некрасов сказал однажды: «Передо мною никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда!» Так возникла эта своеобразная портретная галерея, составляющая в целом лицо народа.

Многое еще можно было бы написать о Некрасове, но все это может стать темой еще десяти статей, или, если хотите, еще десяти томов, мне же просто хотелось в день некрасовского юбилея дружески побеседовать с читателем об одном из самых дорогих и любимых революционных поэтов.